

ПРАВОСЛАВНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются проблемы формирования идеологии православного фундаментализма в полемической литературе первой половины XVII в. Фундаментализм рассматривается как религиозная идеология, основанная на неприятии модернизации вероучения и форм церковной организации, выраженная в протестных акциях. В статье анализируются ключевые тезисы православного фундаментализма XVII в. в сопоставлении с его современными аналогами.

Введение

Под фундаментализмом обычно понимают идеологию религиозных и религиозно-политических течений, которые выступают за возвращение к истокам вероучения (фундаментальным понятиям) и борются за придание вере изначальной чистоты [1, с. 4-5]. При этом понятие “фундаментализм” не является строго определенным и зачастую используется в ситуативном контексте. В последние годы в белорусских и российских печатных СМИ понятие “фундаментализм” встретилось огромное количество раз как синоним фанатизма, экстремиз-

ма и использовалось в отношении “религиозного мусульманского экстремизма”. Некоторые российские исследователи (С.Б. Филатов) полагают, что понятие “фундаментализм” применимо лишь к протестантским течениям, однако в российском религиоведении сложилась в последнее время традиция (К. Костюк, А. Тувинов, С. Лебедев и др.), согласно которой фундаментализм понимается шире. Понятие “фундаментализм” может быть применено к любому верующему или религиозной группе, которые не принимают модернизацию вероучения и протестуют против приспособления церковной организации или идеологии к современным условиям. Понятие “фундаментализм” строго научным не является также и потому, что в любой религиозной системе сложно определить, что конкретно является ее истоками (фундаментом), так как в одних случаях речь может идти о священных текстах как истоках вероучения, в других – об ортодоксии или богословской традиции, последний тип часто называют “традиционализмом”.

Наиболее часто фундаментализм проявляется в религиях Откровения в двух формах: асоциальной мистической (пророческой) и политизированной, как правило, связанной с выражением националистических взглядов. Первый тип основан на идее о том, что информация, получаемая адептами мистическим путем, является “фундаментом”, истоком личной веры. Политизированный фундаментализм – явление, распространенное в околоцерковных кругах, но выполняющее политический и идеологический заказ. Развивается данный тип фундаментализма преимущественно в периоды трансформации социально-экономических и политических отношений, когда демонстративный эффект от протестных мероприятий особенно ощутим.

Выявить универсальные причины формирования протестного религиозного фундаментализма довольно сложно, тем более, что для Беларуси с ее толерантной политической и религиозной культурой это явление скорее является исключением, фрагментом истории и культуры, чем повторяющимся устойчивым явлением. Однако постепенный ренессанс православного фундаментализма в нашей стране, который происходит с 2000 г., заставляет обратить на это явление пристальное внимание. Его идеология оказалась близка части верующих Русской православной церкви (РПЦ) и даже некоторым иерархам в России. Надо отметить, что православные верующие составляют большинство – около 80% от числа всех верующих в Беларуси. В теоретическом оформлении современного православного фундаментализма огромную роль сыграла литературная деятельность митрополита Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского (Снычева), который изложил собственную историософскую концепцию в духе идеологии “Москва – Третий Рим”, основанную на тезисе о русском избранничестве. И. Снычев являлся приверженцем монархизма и настаивал на “возрождении Святой Руси” с помощью “симфонии (духовной и светской) властей”. В его книгах содержится критика глобализации, экуменизма, “мирового масонского заговора”. Под влиянием фундаменталистских кругов в РПЦ началась дискуссия по поводу выхода из Всемирного Совета Церквей и прекращения любых экуменических контактов; по поводу канонизации царской семьи и официального отказа РПЦ от признания подлинности царских останков, по поводу канонизации Григория Распутина. Под давлением фундаменталистов формируется критическая реакция официальных церковных кругов на действия либеральных священников, осуждается введение налоговых номеров, контакты с католической церковью и любые формы межцерковного диалога. Современный фундаментализм крайне политизирован, зачастую проявляется в формах религиозного фанатизма и экстремизма, разжигания рели-

гиозной и национальной вражды или розни. Данные обстоятельства делают изучение истории фундаментализма особенно актуальным.

Основная часть

Интеллектуальная история Беларуси формировалась в значительной степени благодаря взаимному влиянию православной “Руси” и “Латинского (католического) мира”. Свобода вероисповедания в Великом Княжестве Литовском подтверждалась различными правовыми актами: привилеи 1432 и 1434 гг. закрепили равенство прав католической и православной шляхты, привилеи 1443 г. провозгласил равенство прав католического и православного духовенства, привилеи 1457 г. Казимира Ягеллончика устанавливал права шляхты независимо от вероисповедания (данная норма подтверждалась последующими грамотами 1492, 1506, 1529, 1547, 1551 гг.). Свобода вероисповедания гарантировалась Статутами Великого княжества Литовского.

Довольно серьезный конфликт между основными религиозными группами страны произошел в конце XVI в. и был связан с событиями, происходившими вокруг заключения Брестской церковной унии в 1596 г., и приданием греко-католической (униатской) церкви правового статуса православной церкви. “Русское” православное население Речи Посполитой видело в унии угрозу “русской” культуре, языку, вероисповеданию. Первые десятилетия XVII в., отмеченные межконфессиональными конфликтами, стали временем зарождения политизированного православного фундаментализма как теории, так и программы деятельности.

Среди теоретиков того времени Иван Вишенский – афонский монах, автор многочисленных посланий, призывающих бороться с унией, написанных в 1599 – 1610 гг., православный киевский митрополит Исая Копинский (? – 1640), Василий Суражский – священник в г. Острог, автор сочинения “О вере единой” (1588), Гавриил Дорощевич – антиуниатский полемист конца XVI – начала XVII в. Отчасти идеи традиционализма были близки богослову Захарии Копыстенскому (? – 1627) – учителю братских школ в Бресте, Львове, Вильно, автору сочинения “Палинодия” (1621), Мелетию Смотрицкому (1578 – 1633) – церковному деятелю, публицисту, автору сочинения “Фринос” (1610), Афанасию Филипповичу (1595 – 1648) – брестскому игумену, церковному и общественному деятелю, автору сочинения “Диариуш” (1646).

Ощущение зла и несправедливости, связанных с насильственным насаждением унии, способствовали анализу православными авторами христианского онтологического дуализма “гнезда Антихриста” и “царства Христова”. “Гнездо Антихриста” рассматривается через аспект территориальный (локализация “гнезда” в Речи Посполитой и Ватикане), церковно-организационный аспект (проблемы внутреннего устройства католической церкви), аспект культурно-религиозный (католическое вероисповедание и уния рассматриваются как “прелщение сатаны”) [2, стб. 316]. В противовес “гнезду Антихриста” религиозные фундаменталисты вводят понятие “истинной церкви”, рассматривая его в качестве синонима “справедливого общества” и экстраполируя принципы организации и функционирования идеальной церкви на идеальный социум.

Наиболее полно концепция “истинной церкви” была сформулирована И. Вишенским: защита веры “от лукавого беса и человека”, отвержение “прелщения и соблазна”, главенство не земного царя, а небесного, “правдивая церковь” должна быть ненавидима миром, должна “крест носить и нищету любить”, следовать “главной премудрости неба”, которая “противоречит мудростям земным”

[3, с. 143-150]. Все они в разном порядке упоминаются в “Палинодии” З. Копыстенского, “Диариуше” А. Филипповича, у И. Копинского, В. Суражского и присваиваются православной церкви как синониму “истинной”. Но “истинной” считается не реально существующая церковь, а ее идеальный образ. Православные братства, несмотря на их ведущую роль в православном патриотическом движении, также стали объектом критики религиозных фундаменталистов. И. Вишенский в послании к старице Домникии изложил свое видение деятельности братств, усматривая отход от традиционных форм: “Трудиться в церквях не хотят”, а “байки риторские знают”, “комедии строят и играют”, возмущается роскошью, в которой живут “фундаторы благочестия”, их умеренной политической ориентацией и сомневается в их способности спасти веру. И. Вишенский призывает бежать “в пустыню” и спасти веру [3, с. 162-167].

“Истинная церковь” рассматривается И. Вишенским с позиций дуализма земного и небесного, материального и духовного. Она должна возглавляться царем небесным и быть ненавидима миром [3, с. 11-15]. З. Копыстенский повторяет мысль И. Вишенского: “Церковь Христова преследования вшелякие пріймуєть, еднакь незвитяжона (непобедима) зостаєть”. Он видит даже пользу унии в том, что “1) правоверные отделились от зловерных; 2) в православной церкви появились мученики; 3) исповедников оказалось без числа; 4) правоверные потерпели гонения за веру” [4, с. 299]. По мысли писателей XVII в., “истинная церковь” – это собор всеми гонимых, отрехшихся от всего последователей Христа. По своему социальному укладу она напоминает эгалитарную раннехристианскую общину. Подтверждает это и ориентация на неимущие слои населения, а также на монашескую оппозицию митрополиту П. Могиле, вдохновителем которой стал не желающий оставлять свой митрополичий пост И. Копинский.

“Истинная церковь” – основная идея фундаменталистского движения за обновление церкви, понимаемого как оживление монашеской жизни и консервацию традиционных правил культовой деятельности. “Истинная церковь” национальна, она призвана охранять “русскую веру”. Работы украинских и белорусских писателей, относящиеся к первому десятилетию XVII в., свидетельствуют о самоосознании себя одним народом, признании единства исторического пути славянских православных народов, которые в ту пору именовались одним собирательным названием “русины”, подразумевавшим этническую принадлежность и православное вероисповедание. Они, по мнению православных авторов, являются атрибутами народности. “Истинность” русской церкви определялась преимуществами языка и вероисповедания как неизменных атрибутов народности. Основа расуждений о языке была заложена И. Вишенским тезисом о святости и простоте русского языка. И. Вишенский трактует славянский язык как книжную форму русского языка. Славянский язык “плодоноснейший от всех языков и богу любимейший” [3, с. 10]. Святость языка доказывается традиционной антитезой: если бог полюбил славянский язык, то дьявол стал его ненавистником. Он “для того языка словенскаго не любит, иж языку словенскому лжа и прелесть... места имети не может, ибо ани диалектик поганских (нищующих правду божию во лжу), толко простоту и спасение еднает. А твоего латынскаго языка вседушно дьявол любит”, – пишет И. Вишенский иезуиту П. Скарге [3, с. 194]. “Причины победы ляхов над руссами” он видит в принятии западной культуры, образа жизни через латинский и польский язык.

При рассмотрении вероисповедания и языка в качестве основы этнической идентификации православные полемисты неоднократно подчеркивали их неиз-

менность, традиционность, обращаясь к истории принятия Русью христианства. Опровергая утверждения католиков о том, что Русь якобы приняла христианство по римскому образцу, православные авторы прослеживают историческое развитие Руси до и после крещения, ссылаясь при этом на Тертуллиана, Барония. Посредством выяснения проблем языка, вероисповедания, исторического развития православные писатели называют себя “Русью” в плане этническом, историческом и религиозном. По мнению Копыстенского, русские воевали всегда с Римом – это предмет гордости православных. “На месце отпавшихъ Латинниковъ народы Росскіе призвал и вщепиль въ святую свою церковь”. Произошло это из-за большой разницы между разумом греческим и латинским. З. Копыстенский впервые ставит вопрос о различиях ментального характера: “Можеть прировнати разумъ Грецкій до самородного ходу или до едноходника коня, который николи не ухибить (не ошибется)... Розумъ зась Латинскій... пошоль на учоную иноходу, которая што-раз ся отменяеть” и далее: “...выхваляються Римляне свободою панования своего водлугъ света, и Грекове выхваляються свободою души и сумненья своего, ижъ правую веру и догмата заховують. Латиникове силлогисмовъ и аргументовъ ся учать любопретися и единъ другого перепирати, а Грекове и Россове держать правую веру” [2, стб. 1103, 1107, 901-904]. Это мнение Копыстенского свидетельствует о гораздо более глубоком понимании сути различий обрядного и вероисповедного характера православной и католической церкви. Причины скрываются в глубинных различиях западноевропейской и восточнославянской ментальности, выразившихся в особенностях религиозного и мировоззренческого плана. Отличительными чертами восточнославянской ментальности православные авторы считали, во-первых, традиционность (которой противопоставляли “учоную иноходу” католиков), во-вторых – “свободу души”, обозначающую непосредственную, мистическую обращенность к Богу, в-третьих – соборность (православные авторы всегда говорят от имени “русского народа”). Традиция для православных – это сохранение языка, вероисповедания, жизненного уклада, она определяет суть истории. З. Копыстенский видит возможность развития только в рамках “истинной церкви”: “...много существует православных царств, але все тыи королевства и князства устануть, а намъ зас християномъ на земли царства служат, але небесное вечно пребывающее указано и наготовано” [2, стб. 863].

“Истинная церковь” – это “зъедночєня духовное, то есть единомыслєнность въ одной и той же вере” [2, стб. 378, 462]. Власть имеет единый источник и природу – божественную и обеспечивает связь человеческого мира с божественным. Реализация власти предполагает духовное пастырство и требует от правителя чрезмерной религиозности, а от государства – быть по сути теократическим. Идея “истинной церкви” мистична и гуманистична одновременно: она призывает к созерцанию небесной божественной правды, к освобождению от греховного мира и в то же время к обновлению мира на принципах христианской любви, распространению их в социальной и политической сферах. Для Речи Посполитой с развитыми политическими институтами и сословной дифференциацией эта идея была утопичной и парадоксальной в применении к реальной политической жизни. Кроме того, “истинная церковь” предполагала теократическую модель государства. “Бог милостивый моления вашего не презрит, вам пастыра даст, тогда светскую власт (се ест короля) ищите, которого если не схочет вам подати и не послушает вас, узрите его скоро до конца оглохнувши и онемевши, зане поставлен суд прав судити, а не своее веры прелєсть фолкговати” –

так представляет себе государственное устройство И. Вишенский [3, с. 31]. Первым лицом в государстве, по его мнению, является глава церкви, светской власти отводится охранная функция по отношению к церкви и вероисповеданию граждан. В том случае, если светская власть не справляется со своими обязанностями, ее ждет божья кара.

Недовольство порядками Речи Посполитой, которые не соответствовали представлениям православных авторов об “истинной церкви”, способствовало обращению к соседнему православному государству – Москве. А. Филиппович возлагал надежды на Москву как на защитницу преследуемого православного населения. И. Вишенский и И. Копинский откровенно призывали православных покинуть пределы Речи Посполитой: “Будьте готовы отлучиться от того погубительного антихристового и содомского рода, да есте истинною новым Израиль, а не с поганцы поганее” [3, с. 46]. Результатом стал переход монахов Густынского, Ладинского и Мгарского монастырей в 1638 г. в Россию, в город Путивль [5, с. 25]. Москва воспринималась как сильное государство, миссия которого состоит в установлении противовеса “силам Антихриста” и обеспечения условий для праведной земной жизни верующих.

Заключение

Таким образом, ключевыми тезисами идеологии православного фундаментализма XVII в. стали: требование обновления церковной жизни на основе аскетизма, отрицание форм современной жизни, подчеркивание собственного превосходства и отрицание диалога с другими конфессиональными группами (католиками, иудеями, протестантами), “соборное” теократическое государство. Православный фундаментализм в первой половине XVII в. не сформировал серьезного протестного политического движения по ряду причин. Во-первых, политико-правовые условия Речи Посполитой предоставляли широкую возможность разрешения межконфессиональных и других проблем легальным юридическим путем, чем и воспользовались православные иерархи в 20 – 30-е гг. XVII в. для возвращения правового статуса своей церкви. Во-вторых, православные братства, которые играли ведущую роль в патриотическом движении, жили полноценной культурной жизнью, включенной в общеевропейский образовательный и культурный контекст, не предполагавший “ухода от мира”, радикального аскетизма. Также мы не видим сформированной идеологии русского национализма. Ее основы намечены: противопоставление “русинов” “полякам (или латинянам)”, выяснение “состава крови” (т.е. этнического происхождения), фактов легендарной истории (войн “русинов” с Римом), концепции теократического “русского” государства. Однако развития политического национализма не произошло, межконфессиональные и этнические конфликты были разрешены политическим и юридическим путем. Нельзя недооценивать также и патриотическую позицию по отношению к Речи Посполитой как православного, так и католического населения страны, политических элит и простонародья. История православного фундаментализма XVII в. закончилась благодаря эффективной конфессиональной и культурной политике, целью которой было поддержание стабильности, правопорядка и “общественного блага” в межконфессиональных отношениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фундаментализм : сб. науч. ст. / Институт востоковедения РАН: З.И. Левин (отв. ред.) – М. : Институт востоковедения РАН – Издательство “Крафт+”, 2003. – 190 с.

2. **Копыстенский, З.** Палинодия / З. Копыстенский // Русская историческая библиотека. – Т. 4. – Кн. 1. – Пр., 1903. – Стб. 313–1200.
3. **Вишенский, И.** Сочинения. / И. Вишенский. – М. : Наука, 1955. – 360 с.
4. **Копыстенский, З.** О правдивой едности / З. Копыстенский // Завитневич, В.З. Палинодия З. Копыстенского и ее место в истории Западно-русской полемики XVI и XVII вв. – Варшава, 1883. – С. 290–350.
5. **Голубев, С.Т.** Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники : в 2 т. / С.Т. Голубев. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, Тип. С.В. Кульженко, 1883 – 1898. – Т. 2. – 1051 с.

Поступила в редакцию 20.09.2011 г.